

XVI $\frac{45}{10}$

1910

17-24 VII-X

Ученымъ комитетомъ министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

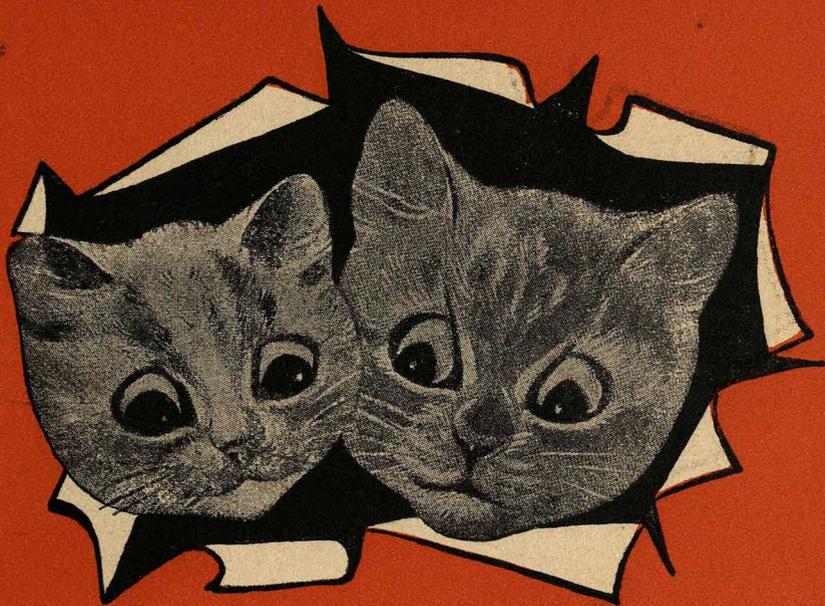
XVII 45
10

Годъ изданія третій

ІЮЛЬ

№ 17.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СОСѢДИ.
ХОЛОДНЫЙ ІЮНЬ.
ЧУЖОЙ (повѣсть).
ПОСЛѢ ДОЖДЯ.
МЕЛОЧИ.
АРИѦМОГРАФЫ, ГОЛОВО-
ЛОМКИ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Выкройки воротничковъ для дѣвочекъ.

«Сѣдая Старина» (Легенды о быломъ) соч. А. Г. Гербертсонъ
(листы 7 и 8 съ репродукціей карт)

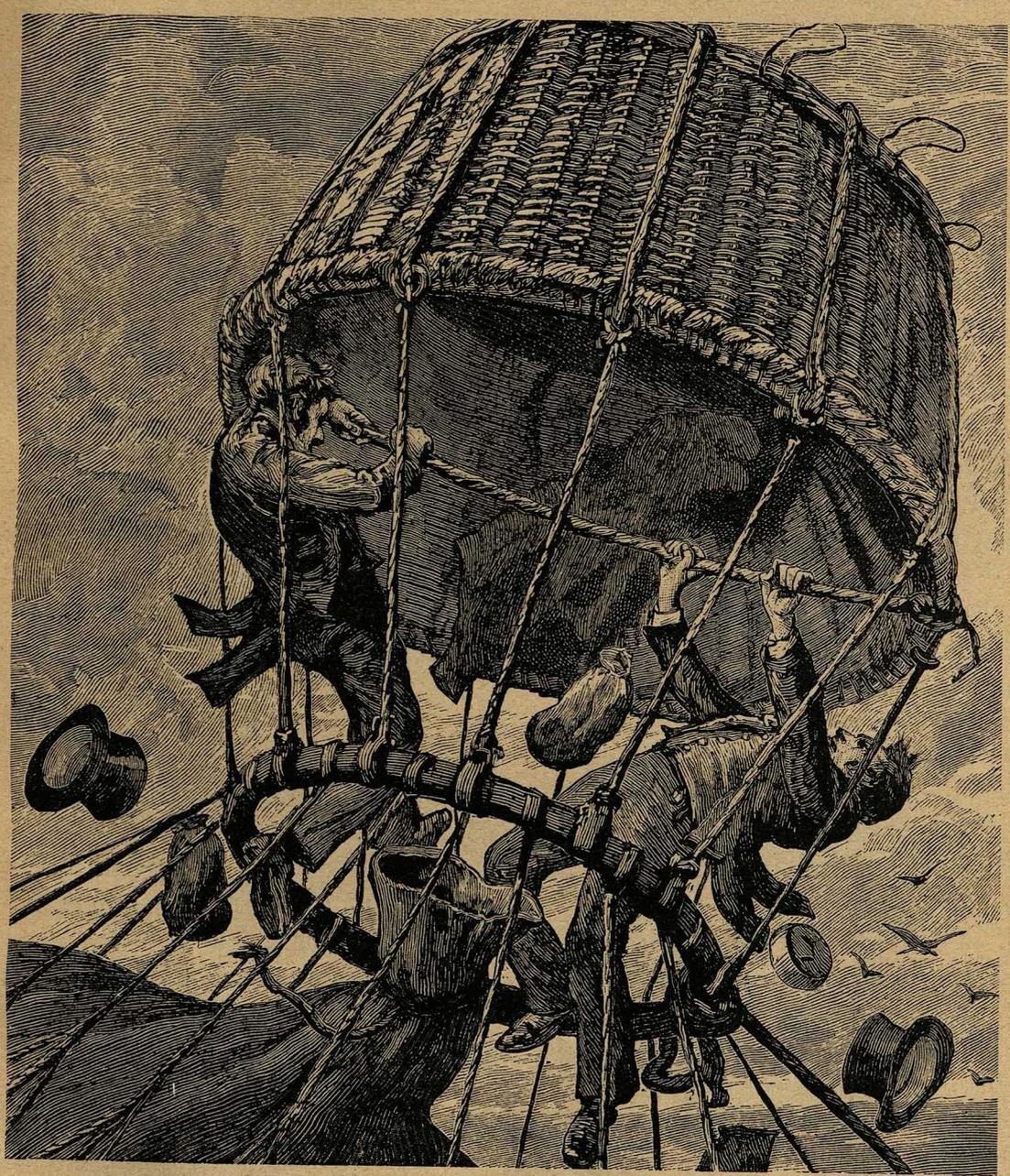
№ 17. Июль, 1910.

Годъ изданія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Несчастіе съ воздушнымъ шаромъ.

СОСѢДИ.

Когда я былъ маленькимъ, то мы жили въ Южной полосѣ Россіи. Городъ нашъ былъ небольшой, лѣтомъ пыльный, осенью грязный, но мнѣ тамъ нравилось больше, чѣмъ теперь въ Петербургѣ или въ Москвѣ. У насъ было много розъ, улицы были обсажены бѣлыми акаціями, и какъ только наступала весна, то повсюду, даже въ канавахъ, расцвѣтали ирисы и тюльпаны. Сирень была такая крупная и душистая, какой я не встрѣчалъ больше нигдѣ. Въ лѣтнее время было очень жарко, въ зимнее—очень холодно, такъ что не было ни сырости, ни продолжительныхъ дождей и мы всегда могли рассчитывать на хорошую погоду.

Скоро невдалекѣ отъ нашего города открылись залежи угля и началась ихъ разработка. Появились шахты, рабочіе, понаѣхали инженеры и не прошло и трехъ лѣтъ, какъ въ нашъ городъ провели желѣзную дорогу и какъ съ утра и до вечера стали доноситься до насъ посвистыванія локомотива.

— Это хорошо, говорилъ нашъ отецъ.—Теперь мы каждый день будемъ получать газеты.

Рядомъ съ нами былъ большой пустырь, на которомъ росли громадные репейники и лопухи. Часто я и братъ перелѣзали черезъ заборъ на этотъ пустырь и чувствовали себя

тамъ такъ, точно были въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки.

Каково-же было наше удивленіе, когда однажды утромъ мы увидали, что на этотъ пустырь стали привозить бревна, камень и кирпичъ, очевидно для постройки.

— Теперь у насъ будетъ образованный сосѣдъ, говорилъ нашъ отецъ.—Здѣсь будетъ себѣ строить домъ петербургскій инженеръ.

И дѣйствительно, не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, какъ на мѣстѣ пустыря появился вдругъ очаровательный домъ, съ большими окнами, съ балкончиками и съ башенкой на крышѣ. На окнахъ появились богатая занавѣски и диковинные цвѣты. Послышались звуки рояли, что тогда было рѣдкостью въ нашемъ городѣ. На террасу выходила горничная въ черномъ платьѣ съ бѣлымъ передникомъ и бѣлой наколкой на головѣ, что производило на насъ такое впечатлѣніе, точно мы видѣли что-нибудь заграничное. Каждый день къ крыльцу подавали небольшой щегольской экипажъ, изъ дома выходилъ красивый молодой инженеръ и уѣзжалъ на работы. У открытаго окошка появлялась красивая дама, которая махала ему платкомъ, и маленький, блѣдный, худенькій мальчикъ, ихъ сынокъ, такой блѣдный, что казался сдѣланнымъ изъ воска. По

КНИГА ИМЕЕТ:

5052

Листов
Печатн.

Выпуск

1910
В перепл.
един. соедин.
№№ вып.
2. 3

Таблиц

Карт

Иллюстр.

Служебн.
№№

№№
Списка и
порядковый

1952

14 | *8* | *17-24*
VII | *X*

2559
1509

Вал 828

John
1890

праздникамъ его водили гулять и, когда онъ проходилъ мимо нашихъ воротъ, то я кланялся ему и мы иногда перекидывались двумя—тремя словами. Этимъ и ограничивалось наше знакомство.

Наши сосѣди жили очень замкнуто, никого не принимали и сами не ѣздили никуда. Было ясно, что они вполне удовлетворялись своей собственной семейной жизнью, или-же что имъ было не до знакомствъ.

И это дѣйствительно скоро оправдалось. Мы стали замѣчать, что каждый день ихъ домъ сталъ навѣщать докторъ, заговорили о томъ, что блѣдный мальчикъ тяжело заболѣлъ, а затѣмъ, недѣли черезъ три, мы увидѣли, что въ хорошенькѣй домъ нашихъ сосѣдей внесли маленькѣйшій бѣлый гробикъ. Мальчикъ умеръ.

— Вотъ и богатство не спасаетъ отъ несчастій, вздохнула моя тетя, когда печальная процессія потянулась мимо нашихъ оконъ.—Ахъ, дѣтки, дѣтки!.. Все въ рукахъ Божіихъ. Одни отъ бѣдности родныхъ дѣтей, какъ щенятъ, подкидываютъ къ чужимъ крыльцамъ, а у другихъ— послѣднее дитя умираетъ!..

Намъ было горько это слышать, но дѣлать было нечего и скоро мы свыклись съ положеніемъ нашихъ сосѣдей и жизнь потекла своимъ чередомъ.

Но не свыклись съ своей потерей наши сосѣди. Мы стали часто видѣть, какъ инженеръ со своей инженершей, онъ съ черной повязкой

на рукавѣ, а она въ глубокомъ траурѣ, проходили подъ-руку мимо насъ на кладбище. Оба они были печальны и уже въ ихъ фигурахъ и взглядахъ мы не замѣчали ихъ прежнихъ сытости и довольства. Иногда изъ дома доносилась до насъ игра на рояли, но она была по большей части грустная, полная глубокой печали. Когда я проходилъ мимо сосѣдскаго дома, то всякѣй разъ стала выбѣгать изъ него горничная, которая хватала меня за руку и насильно тащила въ домъ.

— Пойдемъ, говорила она.—Барыня хочетъ на тебя посмотрѣть.

Я входилъ, робко озираясь на всю ту роскошь, которая представлялась моимъ глазамъ. Ко мнѣ выходила сама инженерша, гладила меня своей прекрасной рукой по головѣ, давала мнѣ конфетъ, много конфетъ, сразу по цѣлому десятку, и говорила:

— Ъшь.

Я ѣлъ, а она стояла тутъ-же, глядѣла на меня и утирала платкомъ глаза. Затѣмъ она показывала на портретъ и говорила:—Это мой мальчикъ!..

Такъ продолжалось цѣлый годъ.

Въ ту пору театра у насъ еще не было и къ намъ заѣзжали проѣзжіе артисты. Для простого-же народа служили уличныя развлечения, не отличавшіяся изысканностью и добрыми нравами: водили обезьянъ, показывали медвѣдей и истязали ихъ ударами прямо на глазахъ зрителей.

Обыкновенно медвѣдей приводили цыгане. Говорили, что цыгане крали маленькихъ дѣтей, которыхъ обучали разнымъ штукамъ. И дѣйствительно, часто можно было видѣть у такого прохожаго цыгана, кромѣ обезьяны и медвѣдя, еще и маленькаго мальчика, который кувиркался на коврикѣ и изгибался такъ, что противно было смотрѣть. И каждый задавался вопросомъ: Кто этотъ мальчикъ? Не украденъ-ли цыганами? Хорошо-ли ему?

Цыганъ билъ въ барабанъ, медвѣдь становился на заднія лапы и неуклюже переминался съ ноги на ногу и это должно было означать, что онъ танцуетъ. Бѣдную обезьяну хлестали плетью и она должна была прыгать и кувиркаться черезъ голову, а мальчикъ въ это время выдѣлывалъ свои штуки. Зѣваки сбѣгались смотрѣть на это зрѣлище, давали медвѣдю пить водку и бросали цыгану гроши. Онъ билъ колотушкой въ барабанъ и припѣвалъ:

— Михайло Потаповичъ, потанцуй, потанцуй!..

Намъ было жалко смотрѣть на бѣдныхъ животныхъ и я не разъ видалъ, какъ и наши сосѣди махали цыгану изъ окна, чтобы онъ проходилъ мимо.

Въ Успенье у насъ бывала ярмарка и на нее съ разныхъ концовъ Россіи сходились цыгане съ медвѣдями и обезьянами и давали свои представленія. Въ одну изъ такихъ ярмарокъ къ намъ забрели цыганъ съ

цыганкой. Они привели съ собой маленькаго девятилѣтняго мальчика, который велъ на цѣпочкѣ обезьянку, и большого бурога медвѣдя, у котораго вся морда была закована въ желѣзную рѣшотку, такъ, что онъ, бѣдный, ѣлъ и пилъ сквозь ея прутья. Цыганъ и цыганка плохо говорили по-русски, а мальчикъ изъяснялся хорошо. Да и по наружности его было видно, что онъ былъ русскій, а не цыганъ. Къ тому-же и выраженіе его лица говорило о томъ, что ему жалко было животныхъ и хотѣлось, чтобы они были отпущены на волю.

Чтобы медвѣдь всталъ на заднія лапы, цыганъ больно билъ его палкой по переднимъ. Мальчикъ морщился отъ этого и часто обращался къ цыгану со словами:

— Да оставь его, Грицько, онъ самъ встанетъ!

Когда начиналось представленіе и цыганка брала отъ мальчика обезьянку и заставляла ее кувиркаться, дергая изо всѣхъ силъ за цѣпь, такъ что у бѣдной обезьяны трещали позвонки на шеѣ, онъ украдкой посылалъ ей глазами свои ласки и, казалось, что и животное такою-же ласкою отвѣчало ему своими грустными глазами.

И вмѣсто того, чтобы пожалѣть звѣрей, народъ съ жалостью смотрѣлъ на цыгана и говорилъ:

— Бѣдный!.. Какимъ ужаснымъ ремесломъ онъ добываетъ себѣ хлѣбъ!

О маргышкѣ не думалъ никто.

Глядя-же на мальчика, всѣ качали головами и вздыхали:

— Вотъ шелопай! говорили они.— Не хочеть учиться и работать, вотъ и таскается по ярмаркамъ съ цыганами! Такъ-то жить полегче, чѣмъ трудиться!

А если-бы они спросили у самого этого мальчика, у этого несчастнаго Стѣпы, хорошо-ли ему, то онъ искренно отвѣтилъ-бы, что всей душой радъ былъ-бы бѣгать въ школу и трудиться до пота лица, если-бы была его воля. Но онъ и самъ не зналъ, какъ попалъ къ цыганамъ, какъ сдѣлался ихъ рабомъ, такимъ-же, какъ и эти обезьяна и медвѣдь. Переходы изъ города въ городъ, лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, зимой—въ голодѣ и холодѣ, страданія звѣрей и свои личныя душевныя муки, при видѣ того, какъ всѣ относятся съ презрѣніемъ и никто не протянетъ ему руки помощи и не скажетъ ему ни единаго ласковаго слова,—утомили его. Онъ зналъ, онъ чувствовалъ, что гдѣ-то есть другая честная, трудовая жизнь, что гдѣ-то есть семьи, въ которыхъ матери любятъ своихъ дѣтей и рассказываютъ имъ сказки о такихъ цыганахъ, къ какимъ онъ теперь попалъ, и его безумно тянуло къ труду, къ такой семьѣ, чтобы хоть однимъ глазкомъ поглядѣть, какъ живутъ добрые, порядочные люди и хоть краешкомъ уха услышать ласковое слово.

И вотъ цыганъ Грицько съ женой и Стѣпа остановились около дома на-

шихъ сосѣдей и стали показывать передъ окнами свои представленія. Жена инженера махала имъ платкомъ, чтобы они проходили мимо, но они не обращали на это никакого вниманія и продолжали свое дѣло. Билъ барабанъ, медвѣдь неуклюже плясалъ, обезьяна кувиркалась черезъ голову—и это было все. Моя тетя стояла у окна, крестилась и повторяла:

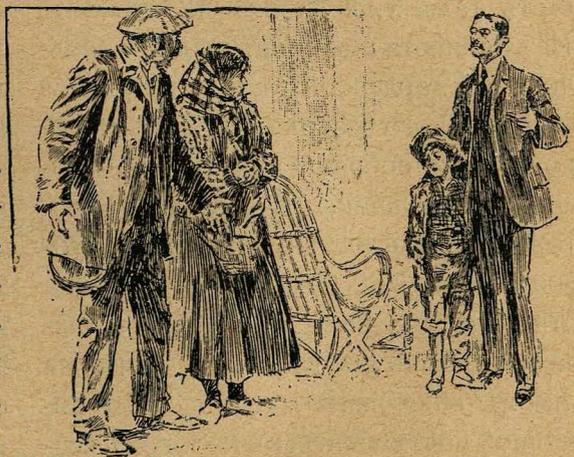
— Какое ремесло! Боже мой, какое позорное ремесло! Бѣдныя животныя!

И казалось, что и Стѣпа то же говорилъ тихонько эти-же самыя слова, но, какъ я узналъ впоследствии, онъ все время твердилъ:

— Боженька, дай мнѣ вырваться на волю!.. Помогите мнѣ уйти отъ цыганъ!..

Окончивъ свои представленія и увидѣвъ въ окнѣ блѣдную даму, цыганка подошла къ ней и на своемъ гортанномъ языкѣ залепетала:

— Барыня-матушка... Нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь старенькаго... Обносокъ какихъ-нибудь...

Черезъ десять минутъ онъ остался у инженера уже навсегда.

На крыльцѣ показался самъ инженеръ. Онъ досталъ портмонэ и подалъ цыганкѣ серебряную монету.

— Графъ дорогой, обратилась цыганка и къ нему.—Все счастье тебѣ укажу, всю судьбу твою графскую расскажу... Нѣтъ-ли у тебя какихъ обносочковъ для моего мужа, а то обносился весь!..

Инженеръ поглядѣлъ на цыгана, потомъ на себя, точно желая сообразить, придется-ли на него его платье, а затѣмъ перевелъ взоръ на мальчика Стѣпу. Онъ пытливо оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ и поморщился при видѣ дыръ на его одеждѣ, сквозь которыя виднѣлось его грязное, загорѣлоетѣло.

— Для твоего мужа у меня ничего не найдется, отвѣтилъ онъ,—а вотъ для мальчугана кое-что есть!

И, подозревая къ себѣ мальчика, онъ ввелъ его въ домъ, провелъ къ себѣ въ кабинетъ и о чемъ-то съ нимъ поговорилъ. Я тоже изъ любопытства заглянулъ туда, такъ какъ былъ тамъ уже своимъ человѣкомъ. Изъ кабинета инженеръ провелъ мальчика въ гардеробную и остановился около одного изъ шкафовъ, въ которомъ были собраны всѣ костюмы покойнаго мальчика. Вышла хозяйка и тоже съ жалостью со всѣхъ сторонъ оглядѣла Стѣпу. Затѣмъ она отворила шкафъ и съ глубокой печалью заглянула въ него. Тамъ на самомъ виду висѣлъ тотъ самый сѣренькій костюмчикъ, въ которомъ всего только десять мѣсяцевъ тому назадъ бѣгалъ ея сынокъ. Теперь онъ

составлялъ для отца и матери священный предметъ. Снявъ съ вѣшалки другой костюмчикъ, еще совсѣмъ новый и превосходно сохранившійся, она передала его мужу. Инженеръ глубоко вздохнулъ, встряхнулъ костюмчикъ и передалъ его Стѣпѣ.

— Вотъ тебѣ!.. сказалъ онъ.—Надѣнь его на себя... Онъ былъ немножко повыше тебя, но это ничего. Лучше просторнѣе, чѣмъ тѣснѣе.

Радостный, Стѣпа поднялъ на инженера глаза и сказалъ что-то такое, что очень растрогало и его, и его жену. Потомъ онъ вышелъ, присоединился къ своимъ и вмѣстѣ съ обезьяной и медвѣдемъ побрѣлъ далѣе своей дорогой. Я и мой братъ послѣдовали за ними, такъ какъ для насъ было очень занятно смотрѣть на обезьяну и мы готовы были цѣлые часы бродить за цыганами съ улицы въ улицу и со двора во дворъ, чтобы только лишній разъ поглядѣть на ея ужимки.

Дойдя до одного изъ заборовъ, черезъ который свѣшивались густыя деревья, давашіе собою большую тѣнь, цыгане расположились въ ней отдохнуть. Цыганъ привязалъ къ своему поясу цѣпь отъ медвѣдя, легъ на спину и, подложивъ обѣ руки себѣ подъ голову, приготовился заснуть. Медвѣдь тутъ-же угрюмо расположился около него. Цыганка прислонилась спиной къ забору и, доставъ толстую иголку, стала шить. Привязавъ обезьянку къ ея ногѣ, Стѣпа тотчасъ-же принялся примѣрять на себя подаренный ему костюмъ. Онъ быстро сбросилъ съ

себя свои лохмотья и, не обращая вниманія на то, что я и братъ глядѣли на него во всѣ глаза, онъ сталъ надѣвать на себя панталоны и курточку. Одѣвшись, онъ оглядѣлъ себя и ему не вѣрилось, что у него новый костюмъ. Цыганъ приподнял голову и то же поглядѣлъ на него, цыганка пощупала материалъ. У обоихъ ихъ глаза засвѣтились завистью: какая жалость, что этотъ костюмъ для нихъ малъ! А то-бы они отняли его у Стѣпы и взяли себѣ!

— Не хватаетъ пуговицы на груди! проворчалъ вдругъ цыганъ.

Стѣпа опустил голову и поглядѣлъ. Дѣйствительно, одной пуговицы не доставало. Мальчикъ порылся въ карманахъ.

— Навѣрное, она здѣсь, въ карманѣ... сказалъ онъ.

И онъ нащупалъ въ одномъ изъ кармановъ твердый круглый предметъ.

— Вотъ она! воскликнулъ онъ.— Я самъ ее пришею сюда!

Онъ съ торжествомъ вытащилъ этотъ предметъ изъ кармана и вдругъ лицо его сразу просіяло и затѣмъ вдругъ покрылось печалью.

Это оказалась золотая монета, такъ и засверкавшая на солнцѣ.

Оба цыгана вскочили. Дрожащими отъ радости руками цыганъ схватилъ монету и сталъ разглядывать ее со всѣхъ сторонъ.

— Червонецъ! заговорилъ онъ.— Пять рублей! Вотъ теперь мы съ Мишкой кутнемъ!

Мальчикъ подскочилъ къ нему и вырвалъ у него изъ рукъ монету.

— Нѣтъ! вскрикнулъ онъ и крѣпко сжалъ монету въ рукѣ.— Эти деньги не наши! Намъ подарили эту одежду, а денегъ намъ вовсе не дарили! Я побѣгу сейчасъ къ этому доброму дядѣ и отдамъ ему эту денежку назадъ.

— Да что ты, что ты! закричалъ на него цыганъ и сталъ его бить.— Зачѣмъ возвращать? Давай ее сюда! Эта денъга не твоя, а моя.

Но Стѣпа взвизгнулъ, извернулся, вырвался изъ рукъ цыгана и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать къ дому нашихъ сосѣдей. Я и братъ побѣжали слѣдомъ за нимъ.

Запыхавшись, съ искаженнымъ отъ страха и побоевъ лицомъ, Стѣпа вбѣжалъ на крыльцо и дернулъ звонокъ. Ему отперъ самъ инженеръ.

— Какъ, ты опять? спросилъ онъ мальчика.— Ты не доволенъ? Чего-же тебѣ еще? Башмаки, что-ли? У меня ихъ нѣтъ.

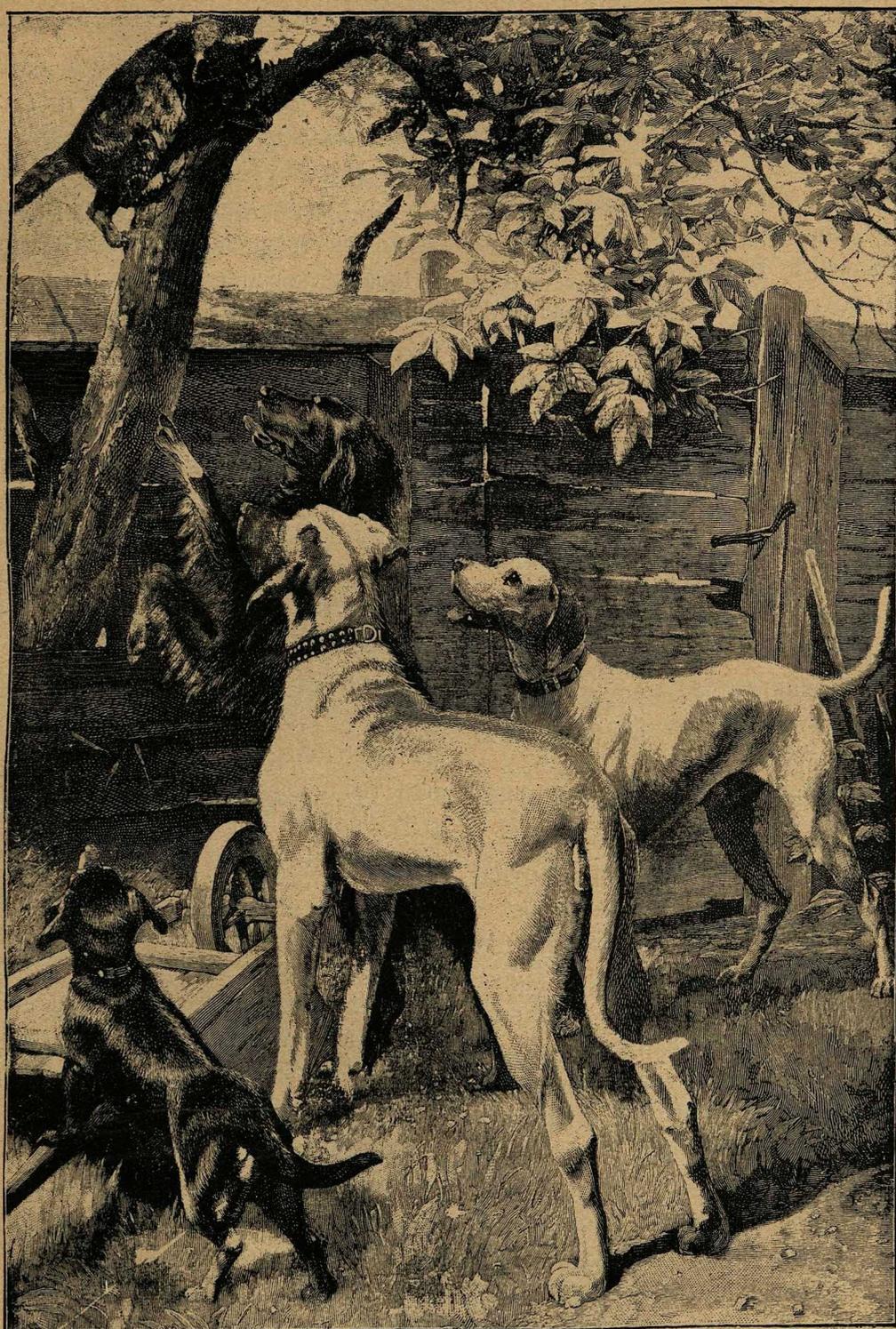
Стѣпа знаками показавъ, что прибѣжалъ не затѣмъ. Задыхаясь отъ быстрого бѣга, онъ не могъ говорить и то и дѣло оглядывался назадъ, не догоняетъ-ли его цыганъ.

— Да въ чемъ дѣло? спросилъ его инженеръ.— Зачѣмъ ты прибѣжалъ?

Наконецъ Стѣпа собрался съ духомъ и началъ говорить. Онъ рассказалъ, какъ надѣвалъ подаренный ему костюмъ и какъ въ одномъ изъ его кармановъ нашелъ червонецъ, который и рѣшилъ возвратить обратно. Разказавши все, какъ было, онъ про-

Пріятели.

Убъжала.

тянулъ къ инженеру руку и откровенно разжалъ передъ нимъ кулакъ. На ладони у него блеснула золотая монета.

— Вотъ... возьмите... залепеталь онъ.—Она не моя.

Инженеръ поглядѣлъ на него и долго не говорилъ ничего, такъ и не принимая съ его руки червонца. Глаза его наполнились слезами. Эта монета была его послѣднимъ подаркомъ его больному тогда сыну. А затѣмъ онъ подумаль о чемъ-то и наконецъ спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Стѣпа, отвѣтилъ мальчикъ.

— Ты сынъ этихъ цыганъ?

— Нѣтъ.

— Кто-же ты?

— Не знаю.

— Какъ ты попалъ къ цыганамъ?

— Не знаю.

— Давно-ли ты у нихъ?

— Съ пяти лѣтъ.

— Помнишь-ли своихъ мать и отца?

— Мать помню, а отца нѣтъ.

— Гдѣ же теперь твоя мать?

— Она умерла и я остался одинъ.

Я шелъ по улицѣ и плакалъ, а какая-то женщина взяла меня за руку и сказала:—«Пойдемъ, мальчикъ, я проведу тебя къ доброй тетѣ, и привела меня къ цыганамъ. Съ тѣхъ поръ я у нихъ.

Инженеръ выслушалъ его, вздохнулъ и снова о чемъ-то долго думаль.

— Пойди сейчасъ къ твоимъ цыганамъ, сказалъ онъ наконецъ, и приведи ихъ теперь же ко мнѣ! Мнѣ нужно съ ними поговорить.

— А вы не накажете ихъ за то, спросилъ мальчикъ, — что они хотѣли взять эту денежку себѣ?

— Накажу?.. За что?.. Нѣтъ! Поди къ нимъ и скажи, что я хочу съ ними поторговаться, отдать имъ эти деньги и прибавить еще.

— Еще? удивился Стѣпа. — За что же?

— За тебя!..

— За меня?..

Стѣпа не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Да, за тебя, если ты хочешь бросить свое отвратительное ремесло и остаться у меня навсегда, сказалъ инженеръ.—Бѣги же скорѣй и веди ихъ сюда!

Стѣпа стоялъ, какъ пораженный громомъ. Затѣмъ онъ поднялъ глаза на инженера, прочиталъ по его лицу, что тотъ говоритъ вполнѣ серьезно, и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать къ цыганамъ.

Черезъ двѣ или три минуты онъ уже велъ ихъ за собою къ инженеру, а черезъ десять минутъ остался у инженера уже навсегда. вмѣстѣ съ нимъ осталась тамъ и его мартышка. Цыгане получили деньги и, довольные, ушли совсѣмъ.

Вышла жена инженера. Узнавъ о происшедшемъ, она бросилась къ мальчику, прижала его къ своей груди и стала горько плакать. Наплакавшись до-сыта, она ввела Стѣпу въ домъ и усадила его за столъ...

И сталъ Стѣпа ихъ пріемнымъ сыномъ.

Я часто бѣгалъ потомъ къ сосѣдямъ, игралъ вмѣстѣ съ Стѣпой и его обезьянкой, а когда намъ исполнилось по одиннадцати лѣтъ, то насъ обоихъ отдали въ гимназію. А когда мы окончили курсъ, то пути наши разошлись. Я уѣхалъ въ университетъ, а инженеры продали свой домъ и уѣхали въ Петербургъ. Такъ мы съ Стѣпой и разстались.

Гдѣ онъ теперь,—я не знаю. Знаю, что онъ послѣ учился за границей и слѣжилъ затѣмъ на той же желѣзной дорогѣ, гдѣ и его пріемный отецъ. Знаю также и то, что вмѣстѣ съ образкомъ онъ носилъ на шеѣ медальонъ, въ которомъ былъ вставленъ портретъ его второй матери—жены инженера.

М. Б. С—кій.

ХОЛОДНЫЙ ІЮНЬ.

Ну, и холодъ! Что за лѣто!
Цѣлый день дожди,
Изъ-за тучъ не видно свѣта,
Въ лѣсъ не выходи!

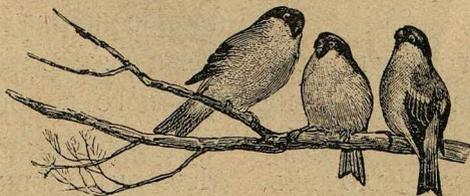
Въ огородѣ все поблекло:
По утрамъ морозъ,
Все погибло, кромѣ свеклы,
И не будетъ розъ.

Почернѣла вся картошка,
Ягодъ негдѣ взять.
Солнце выглянетъ немножко,
Спрячется опять.

Цѣлый день огонь въ каминахъ,
Точно въ сентябрѣ.
Дождикъ... Ходимъ въ пелеринахъ...
Стужа на дворѣ.

Надоѣло намъ все это,
Жизнь не весела...
Лѣто, миленькое лѣто,
Дай ты намъ тепла!

Кузнечикъ.

ЧУЖОЙ.

(Продолженіе).

Нюра устала, остановилась читать и перевела духъ. Филя сидѣлъ, опустивъ глаза. Затѣмъ она снова принялась за чтеніе и онъ старался не проронить ни одного ея слова.

— Значить, Иисусъ Христосъ былъ бѣднякомъ? — спросилъ онъ наконецъ. — Ему негдѣ было даже ночевать и Онъ даже родился въ ясляхъ?

— Да, — отвѣтила Нюра. — А когда Онъ выросъ большой и сталъ говорить всѣмъ, что нужно любить другъ друга и не обижать слабыхъ, то Его схватили и пригвоздили ко кресту?

Филя глубоко вздохнулъ.

— Какъ бы я желалъ Его видѣть! грустно сказалъ онъ.

И, взявши изъ рукъ Нюры книжку, онъ открылъ одну изъ картинокъ священной исторіи и долго-долго на нее смотрѣлъ.

— А ты молишься умѣешь? спросила Нюра.

— Нѣтъ, откровенно отвѣтилъ Филя и прямо посмотрѣлъ ей въ глаза.

— А тебѣ сколько лѣтъ?

— Скоро будетъ восемь.

— И тебя до сихъ поръ никто не научилъ?

Мальчикъ опустилъ голову и густо покраснѣлъ. Она взяла его за руку и убѣжденно сказала:

— Если ты чего-нибудь захочешь, то посмотри на небо и скажи:—

«Милый Боженька, сдѣлай такъ, чтобы это случилось». А если кто-нибудь тебя обидитъ, то ты не обижайся, а только скажи:—«Боженька, утѣшь меня! Сдѣлай такъ, чтобы мнѣ было весело!»

Филя тихонько повторилъ то, что она ему сказала, точно старался заучить эти двѣ фразы наизусть. Вдругъ Нюра спохватилась и вскочила со скамьи.

— Какъ уже темно! сказала она и боязливо оглядѣлась по сторонамъ.—Пора домой! Меня, должно быть, мама ужъ хватилась и беспокоится, что я не иду. Ну, прощай!

Она протянула ему руку.

— Приходи сюда въ понедѣльникъ опять! сказала она.

Филя такъ увлекся разсматриваніемъ картинки, которую еле разбиралъ въ темнотѣ, что не слышалъ ея словъ.

— Хочешь я оставлю эту книжку тебѣ? спросила она.—Пусть это будетъ тебѣ подарокъ! Оставить?

— Оставь, отвѣтилъ онъ и въ глазахъ его блеснула радость.

Онъ закрылъ книжку и съ нѣжностью прижалъ ее къ груди. Дѣвочка весело засмѣялась и побѣжала отъ него домой.

— Смотри-же, приходи въ понедѣльникъ! крикнула она ему уже издали.—Завтра мнѣ нельзя, потому что

сегодня вечеромъ я отправлюсь въ гости и буду у нихъ ночевать, а въ понедѣльникъ приходи.

Филя уже не проводилъ ее глазами, какъ сдѣлалъ это въ прошлый разъ, а снова опустился на скамейку и, еще крѣпче прижавъ къ груди книжку, поднялъ глаза и сталъ смотрѣть на небо.

Спускалась ночь; послѣднія телѣги проѣхали уже отъ желѣзной дороги къ фабрикѣ. На небѣ зажглось уже нѣсколько звѣздочекъ и тамъ, гдѣ зашло солнце, была узкая красная полоса: значитъ, завтра будетъ холодно и вѣтеръ. Было холодно и сейчасъ. У Фили уже давно озябли руки и ноги и дрожь пробѣгала по его тѣлу. Но когда онъ взглянулъ вдругъ на свою пустую корзину, то сердце у него замерло отъ страха: онъ не набралъ за весь день ничего и его теперь накажутъ и не дадутъ вовсе ѣсть. И, услышавъ, какъ вдалекѣ громыхали телѣги съ углемъ, онъ сунулъ книжку себѣ за пазуху и со всѣхъ ногъ бросился ихъ догонять. Когда онъ былъ уже близко отъ одной изъ нихъ, она вздрогнула отъ неровной дороги и нѣсколько крупныхъ кусковъ угля свалилось съ нея и упало на землю. Онъ бросился къ нимъ, схватилъ ихъ съ земли и съ жадностью сталъ наполнять ими корзину. Когда она была уже совсѣмъ почти полна, и онъ могъ уже смѣло возвратиться къ себѣ домой, онъ вспомнилъ вдругъ о томъ, что ему говорила Нюра о правдѣ и добрѣ,

и ему вдругъ стало стыдно того, что онъ бралъ этотъ уголь потихоньку, и что теперь, значитъ, никогда не увидитъ Христа. И съ полной корзиной онъ подошелъ къ возчику, къ тому самому возчику, котораго онъ до этого такъ сильно боялся, что убѣгалъ отъ него, едва только хваталъ съ земли кусокъ угля, и протянулъ ее къ нему:

— Дяденька, обратился онъ къ нему.—Вотъ вашъ уголь... Онъ свалился сейчасъ съ телѣги, я подобралъ его и вотъ... возьмите его, онъ вашъ.

Привыкшій къ постоянному воровству со стороны мальчишекъ, вѣчно ругавшійся съ ними и дававшій имъ пинка, возчикъ широко раскрылъ глаза и въ удивленіи посмотрѣлъ на Филю.

— Мой? спросилъ онъ.—Зачѣмъ же ты тогда его подбиралъ?

Сердце у Фили забилося. Онъ не зналъ, какъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Я собиралъ его для себя, отвѣтилъ онъ,—а потомъ... потомъ посмотрѣлъ на небо, вспомнилъ о Боженькѣ и.. и мнѣ стало стыдно.

Мужикъ тоже посмотрѣлъ на небо, потомъ перевелъ глаза на Филю. Жалкая фигурка мальчика показалась ему еще болѣе жалкой и что-то теплое шевельнулось вдругъ у него въ закрубѣлой душѣ.

— Тпруу! крикнулъ онъ лошади. Телѣга остановилась. Возчикъ досталъ изъ-подъ ея задка обрывокъ

рогожи, положилъ въ нее угля, завязалъ ее и передалъ Филѣ.

— На вотъ, возьми еще! сказалъ онъ ему.

И дернувъ за возжи и ничего больше не сказавъ, онъ поѣхалъ дальше.

Съ гиканьемъ и крикомъ изъ-за угла вдругъ выскочило нѣсколько мальчишекъ. Увидавъ у Фили полную корзину и цѣлый узелъ угля, они набросились на него, сбили съ ногъ и отняли у него уголь себѣ. Онъ безпрекословно отдалъ имъ все.

— Стой, братцы, крикнулъ одинъ изъ нихъ.—Это тотъ самый Филька, которому давеча что-то дала та дѣвчонка! Что она тебѣ дала?

— Хлѣба, откровенно отвѣтилъ Филя.

— Хлѣба? Зачѣмъ ты врешь? Она тебѣ дала чего-то еще! Навѣрное, это деньги! Развѣ это неправда? Братцы, она дала ему денегъ, а онъ вретъ, что хлѣба! Давайте его обшаримъ!

— Давайте, давайте! слышались голоса.

Въ страхѣ Филя ухватился за то мѣсто, гдѣ за пазухой у него лежала книжка.

— Она не давала мнѣ денегъ, жалобно отвѣтилъ онъ.—Если-бы у меня были деньги, то я бы отдалъ вамъ ихъ сейчасъ.

— Неправда, неправда! Обыскивать его, обыскивать!

Напрасно старался Филя защитить себя отъ ихъ нападенія. Ихъ грязныя, неопрятныя руки обшарили его

всего, вывернули ему карманы, стащили съ него его лохмотья и обыскали и ихъ. Онъ покорно предоставилъ имъ себя, боясь только одного, чтобы они не отняли у него его книжку.

— А это что такое? воскликнулъ одинъ изъ мальчишекъ, замѣтивъ книгу.—Братцы, глядите! Книга! Онъ читаетъ книги!

И онъ со смѣхомъ швырнулъ книгу высоко въ воздухъ. Она перевернулась нѣсколько разъ въ воздухѣ и упала на мостовую.

Въ это время вдалекѣ слышался стукъ колесъ послѣдней, запоздавшей телѣги съ углемъ. Завидѣвъ ее, мальчишки позабыли о Филѣ и объ его книгѣ и бросились со всѣхъ ногъ къ ней, чтобы подбирать случайно свалившійся съ нея уголь.

Филя остался одинъ. Онъ поднялъ книжку, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, улыбнулся, что она цѣла, и засунулъ ее опять къ себѣ за пазуху. Затѣмъ онъ поднялъ свою корзину. Она была пуста. Набрать угля снова теперь уже не представлялось больше возможности до завтрашняго утра. Какъ теперь возвратиться домой? Ночь спустилась уже совсѣмъ и стало такъ холодно, что щипало за уши и больно было пальцамъ на ногахъ. Конечно, его дѣла теперь прибьютъ и не дадутъ поѣсть. Куда-же теперь идти?

Стуча зубами отъ холода и отъ охватившей его тревоги, онъ медленно побрелъ по тому-же направлению, по которому шелъ утромъ

съ Нюрой. Остановившись передъ той лачугой, гдѣ жили его хозяева, онъ перевелъ дыханіе. Онъ услыхалъ грубые голоса, доносившіеся до него изъ-за ставня. Слабый свѣтъ лампы пробивался сквозь щели. Филя со страхомъ постучалъ въ окно. Кто-то выругался и вслѣдъ затѣмъ такъ ударилъ ногою по двери, что она быстро распахнулась.

— А, это ты? послышался вдругъ голосъ той самой женщины, которая утромъ бросила корку Филь. Пришелъ? Долго-же ты собираешь одну корзину угля!

И она вырвала у него изъ рукъ пустую корзинку.

— Гдѣ-же уголь? спросила она.

Онъ опустилъ глаза.

— У меня отняли... чуть слышно отвѣтилъ онъ.

— Отняли?

И она изо всѣхъ силъ ударила его по щекѣ. Филя задрожалъ.

— Отняли? повторила она. — Ну, такъ убирайся-же ты отсюда вонъ! И больше не приходи!

Она толкнула его въ плечо, онъ отлетѣлъ чуть не на средину улицы и дверь захлопнулась для него навсегда.

Онъ поднялся, потеръ себѣ колѣнку, которой ударился о мостовую, и безнадежно побрелъ, куда глядѣли глаза. Онъ шелъ и шелъ, самъ не зная, куда и зачѣмъ, и наконецъ отъ усталости остановился. Кругомъ было тихо и сумрачно. Темное небо, казалось, спускалось до самыхъ

крышъ. Падалъ снѣгъ. Далеко, по ту сторону сѣрой, холодной рѣки, гдѣ жили богатые люди и гдѣ не было фабрикъ и нищеты, мерцали фонари и текла еще шумная жизнь. Филя смотрѣлъ на эти огни, на эти мелькавшіе экипажи и автомобили и ему казалось, что тамъ, по ту сторону этой рѣки, не такъ холодно, какъ здѣсь, и что если онъ перейдетъ туда, то ему не будетъ хотѣться ѣсть.

И онъ направился къ мосту и сталъ черезъ него переходить. Скоро онъ былъ уже на другомъ берегу рѣки и его со всѣхъ сторонъ охватила шумная жизнь большого, богатаго города. Магазины еще не были заперты и сверкали огнями. Вздъ и впередъ ѣхали кареты и экипажи. Газетчики выкрикивали названія газетъ. Автомобили съ хрюканьемъ и гудѣньемъ проносились мимо. Переполненный трамвай несся во весь духъ и звонилъ. Дамы и мужчины въ нарядныхъ костюмахъ, сытые, съ улыбками на лицахъ, проходили мимо. Иногда съ ними шли и дѣти, казавшіеся Филь прекрасными, какъ ангелы, о которыхъ онъ такъ недавно еще слышалъ отъ Нюры...

Оглушенный шумомъ, очарованный зрѣлищемъ этой новой для него жизни, которой онъ еще ни разу до сихъ поръ не видалъ, онъ медленно подвигался впередъ, иногда съ удивленіемъ останавливаясь передъ окнами магазиновъ. Онъ не понималъ, для чего должны были служить всѣ тѣ вещи, которыя были выставлены

въ этихъ окнахъ? Для чего нужны были эти брошки, флаконы духовъ, эти удивительные лампы и абажуры? Но ихъ видъ, ихъ аккуратная, чистая отдѣлка плѣняли его, тысячи огней, казалось, согрѣвали его и онъ походилъ на сѣренькую, незамѣтную ночную бабочку, которую очаровывалъ и незамѣтно притягивалъ къ себѣ огонь свѣчи. Увидавъ на одномъ изъ оконъ массу конфетъ, онъ прильнулъ лбомъ къ стеклу и долго-долго смотрѣлъ на нихъ, пока наконецъ не вышелъ изъ магазина прищипавъ и не отогналъ его отъ окна.

— Убирайся отсюда вонъ! крикнулъ онъ на него. Пачкаешь только своей грязной харей стекло!

Неужели же и здѣсь такъ же грубы, какъ и по ту сторону рѣки? Филя съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и свернулъ въ боковую улицу, гдѣ было меньше освѣщенія, но за то было и гораздо тише.

Проходя здѣсь мимо одного изъ домовъ, онъ услышалъ вдругъ веселые смѣхи и голоса. Въ одномъ изъ оконъ въ нижнемъ этажѣ была открыта форточка и занавѣски не были опущены. Ставши на цыпочки, Филя зацѣпилъ за желѣзку у окна и заглянулъ въ форточку. Оттуда ему въ лицо пахнуло тепломъ и чѣмъ-то вкус-

нымъ, отъ чего у него пріятно закружилась голова.

За большимъ обѣденнымъ столомъ сидѣла цѣлая семья. Надъ столомъ горѣла электрическая лампа въ нѣсколько огоньковъ. Горничная въ бѣломъ передникѣ и съ бѣлой наколкой на головѣ подала что-то вкусное на столъ. Красивыя дѣти, два мальчика и двѣ дѣвочки съ распущенными, свѣтлыми, какъ лёнъ, волосами сидѣли за столомъ и весело смѣялись. Одна изъ нихъ сидѣла къ нему спиной и ужасно кого-то ему

Интересная исторія.

напоминала. Папа разсказывалъ имъ что-то смѣшное, потому что онѣ такъ и покатывались отъ смѣха. Молодая дама раскладывала что-то по тарелкамъ. Дѣвочка, сидѣвшая къ окну спиной, взяла съ тарелки то, что положила ей дама, и со смѣхомъ отдала собакѣ. Затѣмъ вошла няня съ маленькимъ ребеночкомъ на рукахъ. При видѣ его Филѣ показалось, что это была та самая Маша, которая когда-то умерла, и что-то теплое, нѣжное вдругъ наполнило ему душу.

— Маша!.. зашепталъ онъ. — Маша!.. Это я!

Но въ это время горничная подошла къ окошку и спустила занавѣску. Тихая, милая семейная жизнь, о которой Филя безсознательно мечталъ и о которой такъ всегда тосковало его сердце, скрылась передъ нимъ, какъ сонъ, и ему почему-то вдругъ ни съ того, ни съ сего, представилась та собака, которая съѣла сейчасъ брошенный ей дѣвочкой кусокъ. Съ какимъ-бы наслажденіемъ онъ отнялъ его у этой собаки и съѣлъ его самъ.

— Я ѣсть, ѣсть хочу! вдругъ застоялъ онъ. — Мнѣ хочется кушать!..

Филя еще долго простоялъ у окна, стараясь найти въ занавѣскѣ хоть одну щелочку, въ которую могъ бы посмотреть на эту семью хоть однимъ глазкомъ. Но драпировка была плотна, сквозь нее не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта и этотъ семейный рай скрылся отъ него навсегда. Въ открытую форточку все еще доноси-

лись веселые голоса и смѣхъ, а затѣмъ кто-то сталъ играть и началась бѣготня. Слышался лай собаки. Было ясно, что собака носилась за дѣтми и принимала участіе въ ихъ играхъ. Затѣмъ дѣти перебѣжали въ другія комнаты и все утихло. Двѣ женщины подошли къ окну и о чемъ-то тихо вели разговоръ. Затѣмъ одна изъ женщинъ отошла, а другая ей громко сказала:

— Не забудь, Настя, сегодня помыть собаку!

Филя поднесъ свои грязныя руки къ глазамъ и при свѣтѣ фонаря оглядѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ: онѣ были черны такъ, точно были въ перчаткахъ. Вся одежда его была въ лохмотьяхъ и грязна. Онъ сталъ припоминать, какъ былъ въ банѣ, когда была жива еще Маша, съ которой онъ игралъ. Тогда въ банѣ было тепло-тепло, не такъ холодно, какъ здѣсь.

И, завернувшись плотнѣе въ свои лохмотья, онъ прижался къ стѣнѣ того дома, около окна котораго стоялъ, и сталъ чего-то ожидать. Это былъ единственный случай, когда на него пахнуло чѣмъ-то роднымъ, чѣмъ-то близкимъ, чѣмъ-то такимъ далекимъ, но нѣжнымъ, чего не случилось никогда, но что онъ нѣсколько разъ видѣлъ во снѣ.

— Какъ тамъ хорошо! повторялъ онъ, пока наконецъ не впалъ въ забытье.

Падалъ хлопьями снѣгъ, форточку въ окнѣ закрыли и дѣти, въ-

роятно, отправились уже на покой, на улицахъ шумъ сталъ умолкать, магазины заперлись и только одни уличные фонари равнодушно горѣли и освѣщали падавшій вокругъ нихъ снѣгъ.

Вышла горничная погулять съ собакой. Проходя мимо Фили и увидѣвъ его, прикорнувшаго у стѣны, она склонилась надъ нимъ и спросила:

— Мальчикъ, ты чей?

— Чужой, отвѣтилъ онъ ей и еще крѣпче прижалъ къ себѣ книгу.

— А это у тебя что?

— Книга...

Она погладила его по мокрой головѣ и пошла своей дорогой.

«Такъ вотъ и мой Филя гдѣ-нибудь валяется прямо на снѣгу», подумала она и глубоко вздохнула.

Пройдясь два или три раза вдоль тротуара, она вошла обратно въ домъ черезъ ворота и потонула въ его потемнѣвшей глубинѣ.

А мальчикъ продолжалъ сидѣть на тротуарѣ, прижавшись къ стѣнѣ спиной, и уже пересталъ замѣчать, какъ у него околѣли руки и ноги и какъ ему остро и мучительно хотѣлось ѣсть. Онъ не могъ позабыть картины семейнаго, тихаго счастья, которую видѣлъ такъ недавно черезъ это окно и все время бормоталъ:

— Какъ тамъ тепло и хорошо!.. Если-бы я постучался къ нимъ, то навѣрное они дали-бы мнѣ чего-нибудь поѣсть. Развѣ могутъ отказать человѣку тѣ, кто по цѣлому куску

бросаетъ прямо съ тарелки собакѣ?.. И какая добрая та дѣвочка, которая дала ей поѣсть!.. Навѣрное, она пожалѣла-бы и его... Ахъ, какъ ему холодно, какъ ему хочется согрѣться, лечь въ какую-нибудь теплую конуру, и хоть что-нибудь поглотить!..

И все, что говорила ему Нюра, когда они сидѣли на скамейкѣ вдводемъ и рассматривали картинки, вдругъ пришло ему на умъ. Онъ открылъ глаза, поглядѣлъ на небо, надѣясь увидѣть въ немъ ту звѣздочку, которая блистала ему, когда только-что зашло солнце, но небо было темно и походило на холодный погребъ, изъ котораго валились снѣжинки.

— Боженька!.. сказалъ Филя и почувствовалъ, какъ на глаза ему навернулись слезы.—Благослови мою маму и моего папу, которыхъ я не знаю, и... пожалѣй меня! Я одинъ... Одинъ на всемъ свѣтѣ, мнѣ холодно и хочется кушать... Нюра говорила мнѣ, что Ты жалѣешь всѣхъ, кто любить Тебя.. Пожалѣй меня, Боженька, и прости меня, что я до сихъ поръ Тебя не зналъ и не полюбилъ Тебя!..

Подошелъ дворникъ и, увидѣвъ мальчика на тротуарѣ, нашелъ, что это безпорядокъ, и потрогалъ его за плечо.

— Иди, иди своей дорогой!.. сказалъ онъ.—Нечего тутъ!..

Филя собрался съ силами, поднялся съ тротуара и, покачиваясь, отошелъ отъ дома. Но ему не хотѣлось уходить далеко отъ того мѣ-

ста, гдѣ онъ впервые, хотя и мелькомъ, увидѣлъ дружную семью. Онъ перешелъ на другую сторону и поглядѣлъ оттуда на милое окно. Въ немъ было уже темно, но рядомъ съ нимъ, въ сосѣдней комнатѣ, было освѣщено другое окно, на которомъ была спущена бѣлая коленкоровая занавѣска. Свѣтъ былъ слабый, очевидно, отъ ночника и вѣроятно здѣсь была спальня и тамъ на кроваткахъ спали дѣти.

По ту сторону улицы была постройка и еще съ осени мѣсто было

загорожено заборомъ и навезены были строительные материалы. Филя подошелъ къ нему, опустился на землю и впалъ въ забытье.

Падаль снѣгъ и холодными, пушистыми хлопьями ложился на тротуаръ и кучи камней и Филъ на лицо. Но мальчикъ не замѣчалъ этого и приложивъ руку къ груди, къ тому мѣсту, гдѣ у него была спрятана книжка, старался и въ забытьѣ не разставаться съ тѣмъ, что было для него теперь дороже всего на свѣтѣ . . .

А. Ш.

Продолженіе слѣдуетъ.

ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Дождь прошелъ. Все оживилось,
Въ отдаленнѣи громъ гремитъ,
Но ужъ небо прояснилось
И ужъ солнышко блеститъ.

Вышелъ въ садъ я освѣжиться:
Онъ весь дождикомъ обмытъ,
Каждый листъ въ немъ серебрится,
Каждый кустикъ въ немъ блеститъ.

Птички снова распѣвають,
Ароматъ кругомъ стоитъ,
Пчёлки снова мѣдъ собираютъ
И повсюду жизнь кипитъ.

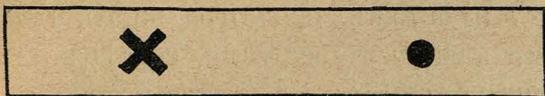
К. Орловъ.

МЕЛОЧИ.

Слѣпое пятно. Въ обоихъ нашихъ глазахъ есть мѣсто, которое принято называть слѣпымъ. Въ этомъ вы можете убѣдиться, зажмуривъ вашъ лѣвый глазъ и начавъ смотрѣть правымъ на крестикъ прилагаемаго рисунка.

Держите рисунокъ въ разстояніи одного фута отъ себя и загѣмъ по-

степенно приближайте его къ глазамъ. Глядя на крестикъ, вы въ то же время будете видѣть и черный шарикъ, но какъ только поднесете рисунокъ къ глазамъ на извѣстное разстояніе, такъ этотъ черный шарикъ скроется и на его мѣстѣ будетъ пусто. Придвинувъ-же рисунокъ еще ближе къ глазамъ, вы увидите шарикъ снова. Значитъ, въ глазу есть какое-то мѣсто, которое на извѣстномъ разстояніи вовсе не видитъ.

Почему попугай говоритъ, а другія птицы нѣтъ? Въсѣ не вѣрно то, что всѣ другія птицы, кромѣ попугая, не способны научиться говорить. Но совершенно вѣрно то, что однѣ птицы учатся говорить легко и скоро, а другія нѣтъ. Откуда-же такая разница? Эта разница происходитъ у птицъ отъ устройства ихъ слуха. Если вы слышите хорошо каж-

дый звукъ, то вы легко можете ему подражать, воспроизвести его сами. Вотъ почему люди дѣлаются глухонѣмыми не потому, что у нихъ плохо устроены языкъ, а потому, что въ раннемъ дѣтствѣ они оглохли и въ свое время не научились говорить. Точно такъ-же и попугай: онъ говоритъ потому, что умѣетъ слушать лучше другихъ птицъ. Но можно съ увѣренностью сказать, что попугай совершенно ничего не понимаетъ изъ того, что говоритъ. Онъ только повторяетъ заученныя слова, потому что это ему нравится, или-же потому, что ждетъ за нихъ вкусной ѣды.

Замѣтите: гдѣ водится обезьяна, тамъ водится и попугай; гдѣ нѣтъ обезьяны, тамъ нѣтъ и попугая. Обезьяна много умнѣе попугая, но не говоритъ, хотя и очень похожа на человѣка. Отсюда вытекаетъ, что у попугая слухъ развитъ лучше, чѣмъ у обезьяны.

Разговариваютъ-ли между собою животныя? Многіе думаютъ, что только люди способны разговаривать между собою, и дѣйствительно ни одно живое существо на землѣ не способно говорить на столькихъ языкахъ, какъ человѣкъ. Но кто знаетъ животныхъ, тотъ не сомнѣвается, что и животныя разговариваютъ между собой. Только ихъ разговоръ совсѣмъ не похожъ на нашъ. Такъ,

напримѣръ, обезьяны издають губами различныя звуки, которые имѣють различныя значенія. Онѣ не могутъ только выражать своихъ мыслей, но отлично выражаютъ свои чувства. Такъ, онѣ не умѣють объяснить, что такое боль, но могутъ передать другъ дружкѣ, что имъ больно. Онѣ не понимаютъ, что такое солнце, но знаютъ, что оно грѣетъ ихъ тѣло. Такъ точно и грудной ребенокъ выражаетъ губами и голосомъ различныя свои чувства, прежде чѣмъ научается говорить. Подобно имъ и многія животныя выражаютъ голосами свои чувства, какъ напр. страхъ, радость, боль, гнѣвъ, и другія животныя ихъ понимаютъ. Въ этомъ и состоитъ разговоръ животныхъ.

Но хотя обезьяны и ближе всѣхъ другихъ животныхъ подходятъ къ человѣку, но онѣ разговариваютъ между собою далеко не такъ хорошо, какъ напр. пчелы и муравьи. Если-бы пчелы и муравьи не умѣли говорить другъ другу, чего они хотятъ или что чувствуютъ, то не могли-бы жить въ такихъ большихъ обществахъ, въ какихъ живутъ, и создавать такія постройки, какія создаютъ. А у этихъ насѣкомыхъ много могъ-бы научиться самъ человѣкъ. Замѣтите къ случаю: у пчелъ и у муравьевъ, не смотря на то, что они живутъ обществами, совсѣмъ не умираютъ дѣти, а доживаютъ до зрѣлаго возраста. Человѣкъ тоже живетъ обществами, но у него дѣти умираютъ тысячами.

АРИӨМОГРАФЪ № 1.

Задумано слово, состоящее изъ девяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. Буквы 4. 7. 6. 7. 8. 1 означаютъ то, что остается послѣ снопа, когда изъ него вымолочено зерно, 7. 2. 3. 4. 9—хлѣбный злакъ, 4. 5. 6. 7—жировое вещество, 2. 3. 4. 6. 7—принадлежность лодки, 8. 5. 4. 6. 7—продуктъ, добываемый изъ молока, конопли, подсолнуховъ и т. п., 2. 7. 6. 7. 4. 9—принадлежность головы, 7. 6. 7. 2. 7—металлъ.

Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ имя одного изъ сыновей знаменитаго библейскаго царя.

АРИӨМОГРАФЪ № 2.

Задумано слово, состоящее изъ восьми буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. Буквы 2. 1. 3. 5. 1 означаютъ рѣчное судно, 7. 6. 3. 6. 5. 1—птицу, 5. 6. 3. 5. 1—принадлежность хлѣба, апельсина и т. п., 3. 4. 7. 8—хлѣбный злакъ, 2. 1. 3. 2. 1. 3. 4. 7. 8—колючій ягодный кустарникъ; ягоды его очень кислы; 5. 6. 5. 7. 8—уголь, 5. 3. 1. 2. 8—родъ рака, 2. 6. 2. 3, 8—пушного звѣря, 7. 6. 2. 1. 5. 1—домашнее животное, 6. 5. 6. 3. 6. 5. 8—закуску.

Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ очень вкусный фруктъ, растущій на югѣ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы слова, означающія:

- 1) То, что было во времена Ноя.
- 2) Время года.
- 3) Мѣру вѣса.
- 4) То, изъ чего пекутъ булки.
- 5) Громадную птицу, гнѣздящуюся на крышахъ.
- 6) То, что наводитъ блескъ на сапоги.
- 7) Названіе одного изъ мѣсяцевъ.

Начальныя буквы всѣхъ этихъ словъ должны составить названіе города въ Южной Россіи, около котораго произошло знаменитое сраженіе.

Какія это слова, какой это городъ, съ кѣмъ и при комъ было это сраженіе?

II.

Задуманы слова, означающія:

- 1) Принадлежность лица мужчины.
- 2) Хлѣбный знакъ.
- 3) Лучшій изъ цвѣтовъ.
- 4) То, безъ чего немислима комната.
- 5) То, что получается при сгораніи дерева.
- 6) Деревенскій жилой домъ.
- 7) Часть лица.
- 8) То, что часто бываетъ на небѣ.

Начальныя буквы всѣхъ этихъ словъ должны составить названіе села въ средней Россіи, въ окрестностяхъ котораго произошло знаменитое сраженіе.

Какія это слова, какое это село, съ кѣмъ, при комъ и когда было это сраженіе?

III.

Даны три гласныя буквы:

—А. —У. —А.

Поставить передъ каждой изъ нихъ по согласной буквѣ, такъ, чтобы вышло названіе губернскаго города въ центральной Россіи.

IV.

Что можно лить и пролить; что можно лить, но нельзя пролить; что нельзя ни лить, ни пролить, но можно отлить?

V.

Угадать, какія должны стоять слова на мѣстахъ точекъ въ слѣдующемъ отрывкѣ:

„Буря утихаетъ и вѣтеръ дуетъ уже много . . . . , чѣмъ раньше. Но зачѣмъ ты . . . . на станцію въ такую грязь? Подожди, пока она просохнетъ. Вѣдь въ дождь дорога кажется длиннѣе и разстояніе . . . . , чѣмъ въ хорошую погоду. Поживи у насъ еще: мы постараемся развлечь тебя и ты не . . . . у насъ скучать“.

Выписать эти слова и составить изъ нихъ фразу, составляющую извѣстную русскую пословицу.

Рѣшеніе головоломки и ребуса, помпещенныхъ въ № 15 «Золотою Дѣтства».

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ.

II.

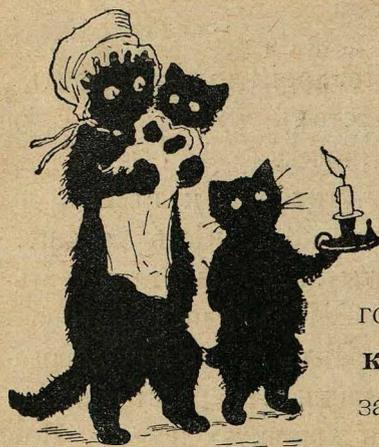
До самой смерти.

III.

СалО, РуслО, КорА. Задуманное слово = Сорока.

Ребусъ № 8. В + дождь + л + ивы + я + н + очи + и + сова + не + пи + щить = Въ дождливыя ночи и сова не пищитъ.

Върныя рѣшенія прислали: Витя Голубевъ, Коля Крамаренко, Ника Поляковъ въ Спб., Таня Черемовская изъ Песочнаго Яросл. губ., Константинъ Вороновъ, Костя Федоровъ, Н. Фидлеръ, Таня Волкова и ея племянникъ Андрияша Федотовъ—донской казачокъ изъ Николаева, Надя Гусева изъ Кіева, Жоржикъ Каравеевъ, Петя Смирновъ въ Спб., Володя, Лина и Шура Шумахеръ изъ Ростова-на-Дону, Оля Лебедева, Ната Битнеръ, Григорій Орловъ изъ Москвы, Митя Новицкій изъ Ахтырки, Марина Петрова, Лидія Уткина, Ляля Колоскова, Зоя Торгашова изъ Новаго-Оскола (женская гимназія), Рая Дровеникова, Котя Березинъ, Вячеславъ Кузьминъ, Тася Акацатова изъ Елисаветграда, Боря Виноградовъ, Сережа Соколовъ, Женя Гаршъ, Георгій Штехеръ изъ Таганрога, Коля Веденѣевъ, Троша Критскій, Георгій Розовъ, Шура и Тася Кислицыны изъ Харькова, Валя Кузьминская, Аркадій Черевинъ, Борисъ Алексѣевъ уч. 1 класса, Лиза Александрова, Вѣрочка Федорова, Вѣра и Надя фонъ-Клугенъ изъ Кіева, Германъ Примовъ, Леля Осинина, Аркадій Чужбиновъ, Миша Нѣмовъ изъ Воейкова, Надя Голубцова, Миша Павловъ, Борисъ Иванѣевъ, Отто Бергъ, Леля Салтанова, изъ Рыбинска.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“ за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз. За пересылку по разстоянію.

Можно выписывать изъ Редакціи „Золотое Дѣтство“.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ—въ **Конторъ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3;** б) для городскихъ подписчиковъ—въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40) и Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій).

➡ Подписной годъ съ 1-го ноября. ➡

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.